

ческих данных, накопленных русской и советской наукой, в том числе и принципиально важные результаты полевых исследований самого автора. Однако многие теоретические установки, структура справочного аппарата показывают, что книгу И. И. Крупника нельзя рассматривать вне традиций, определивших развитие этнолого-археологических исследований по ту сторону Берингова пролива.

Последние четверть века характеризовались бесспорным господством в американской научной литературе, посвященной современным арктическим охотникам-собираателям, как и их доисторическим предшественникам, эколого-адапционистского подхода. В рамках этого научного направления важнейшее значение в развитии обществ и формировании их типологического разнообразия отводилось процессу взаимодействия (адаптации) общества и внешней среды — природной и социальной. Такой подход подвергался критике, особенно в 80-е годы³ из-за того, что он не учитывает «внутренние», имманентные факторы развития общества. Спектр последних весьма широк: от марксистского учения о борьбе социальных классов и групп до представления о пассионарной энергии этноса, сформулированного Л. Н. Гумилевым.

Признавая справедливость этой критики, нужно отметить, что выявление и качественно-количественное описание «внутренних» факторов общественного развития крайне сложно, в то время как такое описание «внешних» факторов вполне возможно и особенно ценно тем, что в результате резко расширяется круг источников исследования, и в ряде случаев появляются независимые системы доказательств, базирующихся на разнородных типах источников (географических, биологических, этнографических, демографических и т. д.). Это позволяет верифицировать гипотезы как кажется, с большей достоверностью.

«Арктическая этноэкология» И. И. Крупника демонстрирует успешный пример реализации подобного подхода. Автором создан ряд систем независимых доказательств и в том числе количественные модели, позволившие увидеть арктические этносы не в гомеостазе, а в пульсирующем развитии и приблизиться, видимо, к максимально возможному историзму при описании бесписьменных народов.

Результаты, полученные И. И. Крупником, важны и для разработки актуальных народнохозяйственных проблем региона, о чем пишет сам автор в заключении: «Монопольное индустриальное освоение Севера не имеет прочного будущего... чтобы обеспечить стабильное заселение Севера, здесь обязательно должны быть сохранены альтернативные хозяйственные модели — аборигенные и коммерческие формы природопользования» (с. 232).

Книга И. И. Крупника может стать основой для понимания истории и современных перспектив включения традиционных арктических этноэкосистем в глобальную хозяйственную систему. Крайне необходимая широкому кругу ученых и практиков она должна быть учтена при создании нового законодательства, регулирующего экономические и межнациональные отношения в Арктике.

А. Н. Кренке, О. А. Мурашко

Примечания

¹ Кренке А. Н., Золотокрылин А. Н., Фогель Г. А. Характер изменений климата Европы в историческом прошлом // Докл. АН СССР. 1988. Т. 302. № 4. С. 819—822.

² Hollingsworth T. H. Historical Demography. London, 1969.

³ Archaeological Thought in America / С. С. Lamberg-Karlovsky. Cambridge, 1989.

© 1990 г.

И. И. Крупник. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии.

Несколько запоздавшее развитие новой для советской науки дисциплины — этнической экологии — идет довольно успешно, число публикаций по этой тематике множится, но и на этом фоне появление книги И. И. Крупника представляет собой, несомненно, заметное событие. Внимание к ней усиливается тем, что целью автора является не просто изложение и анализ собранного им материала, но основание отдельной субдисциплины — «арктической этноэкологии» (в заключении книги она названа даже «наукой» — с. 229, но с этим трудно согласиться). Читателю предлагается произведение, которое должно раскрыть сущность «арктической этноэкологии», а также вооружить научных работников, желающих заниматься такой субдисциплиной, необходимым для этого теоретическим багажом и практическими приемами исследования.

Отмечу сразу же, что рецензируемую работу легко хвалить и трудно должным образом оценить. Ее можно хвалить за оригинальность замысла, за большой собранный автором фактический материал и его своеобразную «моделирующую» обработку для показа некоторых важных сторон жизнеобеспечения отдельных народов Севера, а также за хороший стиль изложения. Ее трудно оценить, как и каждую оригинальную работу, не имеющую в советской литературе прямых аналогов, которые могут быть использованы для сравнения; в значительной степени это, правда, обусловлено и использованием автором особой этноэкологической терминологии, почти не применявшейся ранее советскими авторами. работ по традиционному хозяйству, природо-

пользованию народов Севера и другим затронутым И. И. Крупником сюжетам. И для того, чтобы избежать при оценке этой книги каких-то субъективных претензий, мне придется оценивать ее главным образом по тому, насколько автору удалось достичь им же самим поставленных целей в деле основания «арктической этноэкологии».

Свои основные замыслы И. И. Крупник формулирует в I главе книги, названной «О понятиях и концепциях арктической этноэкологии». Рассматривая место «арктической этноэкологии» в общей системе «этнической экологии» («этноэкология» является здесь кратким синонимом этнической экологии), автор определяет последнюю «как особое направление этнографии, изучающее формы взаимоотношений этнических общностей с окружающей средой, связанные с освоением этой среды — как материальным, так и духовным — и использованием ее ресурсов» (с. 14). Это определение значительно уже того, которое дано, например, в «Своде этнографических понятий и терминов» (М., 1988. С. 92—94), посвященном этнографии и смежным дисциплинам, субдисциплинам, школам и направлениям; в него не включено, в частности, изучение влияния сложившихся этноэкологических связей и степени адаптации к природным условиям на здоровье людей, оно не учитывает пограничное положение этнической экологии между этнографией и экологией человека и т. д. Однако это определение достаточно широко для исследовательских целей.

В основу своих конкретных теоретических построений И. И. Крупник кладет термин «система жизнеобеспечения», понимаемый им как «взаимосвязанный комплекс особенностей производственной деятельности, демографической структуры и расселения, трудовой кооперации, традиций потребления и распределения, т. е. экологически обусловленных форм социального поведения, которые обеспечивают человеческому коллективу существование за счет ресурсов конкретной среды обитания» (с. 15). От этого термина он переходит к понятию «модели», как «сознательно упрощенному варианту системы жизнеобеспечения или природопользования этноса / субэтнической группы, взятому в строгих временных и пространственных границах для количественного описания или реконструкции» (с. 15). Нетрудно заметить, что в систему жизнеобеспечения (отнодь не сводимую к «природопользованию») здесь не включены его духовные компоненты, упомянутые автором в определении этноэкологии, что значительно обедняет эту систему, ибо «не хлебом единым жив человек»; кроме того, если такая система представляет собой «взаимосвязанный комплекс», то «сознательное упрощение» этого комплекса неизбежно нарушает имеющиеся взаимосвязи. В следующих главах автор анализирует фактический материал главным образом методом баланса «пищевых цепей», но это представляет собой модель лишь части жизнеобеспечения.

При рассмотрении термина и понятия «адаптация» (т. е. приспособление к среде) И. И. Крупник ограничивается лишь его хозяйственно-культурной стороной, оставляя без внимания такие экологически важные виды адаптации как биологическую (антропологическую и физиологическую) и психологическую. От автора нельзя, разумеется, требовать, чтобы он сам занимался исследованием всех видов адаптации, но коль скоро он вписывается в этническую экологию и пытается заложить основы «арктической этноэкологии», от него можно было ожидать краткого рассмотрения и этих видов адаптации с отсылкой к соответствующим работам. Психологическая адаптация, правда, изучалась главным образом зарубежными исследователями, но биологическая адаптация (в том числе и народов Севера) обстоятельно освещена и у нас, прежде всего в работах Т. И. Алексеевой, ни одна из книг которой, к сожалению, не была даже включена в составленную автором обширную библиографию.

Не вполне удовлетворительно рассмотрены И. И. Крупником и концепции этнической экологии. Основное внимание он уделяет «концепции „равновесных“ этносов и природно-социальных (этноэкологических) систем» (с. 17—18), основу которой составляет идея демографо-экологического «гомеостаза». Однако основные идеи моделирования «пищевых цепей» идут от сформировавшейся в США в конце 1960-х гг. школы или концепции «экосистемной этнографии», отнодь не сводимой к представлению о «гомеостазе», а также от разработанной В. П. Алексеевым концепции «антропогеоэкоза»; поэтому следовало бы кратко рассмотреть эти концепции, а также включить в библиографию книгу В. П. Алексеева «Становление человечества» (М., 1984), где наиболее полно раскрыта его концепция. Полезно было бы упомянуть и о других концепциях (в том числе концепции ХКТ), имеющих гораздо большее отношение к делу, чем предложенная Л. Н. Гумилевым концепция этногенеза, являющаяся, по словам автора, «ярким и совершенно особым направлением этноэкологии» (с. 19).

2 глава — «Зверобой арктических побережий», посвященная пищевому жизнеобеспечению эскимосов Чукотки, а также 3 глава — «Оленеводы-кочевники внутренней тундры», где аналогичная методика применена к отдельным группам ненцев и оленных чукчей (во всех случаях по материалам 1920-х и 1930-х гг.), являются, несомненно, центральными во всей рецензируемой книге, и к рассмотрению их содержания мне еще придется вернуться. В 4 главе «Динамика арктической среды обитания» дана реконструкция климата Арктики, главным образом во втором тысячелетии н. э., а также сведения о колебаниях численности животных в тундре в XVII—XX вв.; вывод автора о том, что «в условиях Арктики невозможно говорить о каком-либо устойчивом, среднем уровне среды обитания» (с. 140), можно понять в том смысле, что для содержания 2 и 3 глав такая дальняя реконструкция климата была отчасти излишней. Глава 5 — «Появление оленеводства в тундрах Евразии» — относится к теме, которая уже неоднократно привлекала внимание крупных исследователей, в том числе В. Г. Богораз-Тана; такое оленеводство, как известно, зародилось где-то на рубеже 1 и 2 тысячелетия н. э. Связанные с этим проблемы еще не полностью решены, литература по этому вопросу — обширна, и какое место в ней займет данная глава мне, по правде говоря, не вполне ясно.

Глава 6 — «Адаптация приморских систем жизнеобеспечения» — возвращает читателя к некоторым аспектам жизнеобеспечения групп эскимосов, а также береговых чукчей, рассматриваемым

теперь ретроспективно и потому очень фрагментарно с конца 1 тысячелетия до н. э. Историю природопользования аборигенов Арктики автор представляет в виде «постоянного „перелива“... от кочевго образа жизни к оседлому и обратному», т. е. как «форму *дуального природопользования*, позволяющую аборигенным коллективам выдерживать самые резкие колебания своей среды обитания» (с. 187). Этот вывод, несомненно, важен в экологическом отношении, но полагаю, что он плохо приложим к эскимосам, среди которых нет деления на приморских оседлых и тундровых кочевых групп, как у чукчей и, скажем, коряков.

В главе 7 — «Аборигенный охотник в экосистемах Арктики» — И. И. Крупник возвращается к начатому во 2 и 3 главах рассмотрению концепции «равновесных» этносов и этноэкологических систем, показывая, что к эскимосам и другим аборигенам Арктики неприменимы идеи «гомеостаза», что их установки были нацелены на «расширенное воспроизводство человеческих коллективов», что давало им повышенный «запас» прочности; существенный интерес в этой связи представляет и показ автором некоторых экофобных установок на массовую добычу, убийство детенышей и т. п.; по существу только в этой главе автор затрагивает и вопросы «экологического мировоззрения» (с. 206—207), входящего в сферу тех важных аспектов системы жизнеобеспечения, которым в 1 главе не уделено внимания.

Глава 8 — «Арктическая этноэкология и история первобытного общества» — последняя в рецензируемой книге — сводится в основном к попыткам И. И. Крупника использовать выводы предыдущих глав, прежде всего — по морским зверобоям эскимосам, для реконструкции жизни верхнепалеолитических охотников Евразии. Многие из сказанного в этой главе как бы приглашает к размышлениям и спорам, выходящим за рамки «арктической этноэкологии»; таков, например, вопрос о том, что представляли собой гипотетические пространства приледниковых «тундростепей» с «мамонтовой фауной», где обитали древние охотники (с. 210). Ограничусь здесь лишь выражением сомнения в корректности прямых аналогий между охотой на мамонта и охотой на детенышей кита или неповоротливых на суше моржей. Полагаю, что для палеолитических реконструкций больше подходит материал по охотникам на слонов в африканских саваннах.

И. И. Крупник не обосновывает последовательности глав своей книги, и нетрудно заметить, что какого-либо логического порядка изложения материала здесь нет: одни тематически связанные главы стоят рядом, другие (например, 2-я и 6-я) — на большом отдалении и т. п. Такая особенность структуры книги, отступления автора от последовательно хронологического анализа материала, была замечена ответственным редактором книги С. А. Арутюновым, который отметил, что именно «отсутствие знакомых переходов делает непредсказуемой каждую следующую главу книги и позволяет сохранить интерес читателя до самой последней страницы» (с. 4). Однако такая структура приводит к превращению задуманной монографии в тематический сборник отдельных «очерков».

Переходя теперь к более подробному рассмотрению основных в рецензируемой книге глав, считаю целесообразным уделить наибольшее внимание 2 главе, в которой идет речь о пищевом жизнеобеспечении эскимосов; уместно отметить, что и сам И. И. Крупник посвятил эту книгу «прежде всего азиатским эскимосам» (с. 7). «Основу их жизнеобеспечения, — пишет автор, — составляла добыча нескольких видов морских животных: лаастоногих — моржа, лахтака (морского зайца), мелких тюленей, сивуча; и китообразных — гренландского и серого кита, белуха, горбача. Она активно дополнялась рыболовством, охотой на наземных животных, морских колониальных птиц, сбором яиц, продуктов моря, съедобных растений. Практически человеком эксплуатировались все доступные пищевые цепи...» К этому добавляется, что «эскимосы регулярно выезжали в ближайшие стойбища оленеводов (чукчей — В. К.) для обмена продукцией...», а также говорится о покупке эскимосами муки, сахара и других продуктов (с. 39). Заключение автора о существовании нескольких пищевых цепей заслуживает всестороннего внимания, однако он пытается свести все эти пищевые цепи воедино и дать баланс добычи-потребления в килокалориях, но это приводит к тому, что на первый план резко выступает мясо и жир морских животных (главным образом — китов), а на съедобные растения приходится ничтожная часть пищевого обеспечения; отсюда следует, кстати сказать, и некоторое пренебрежение к хозяйственной роли женщин (собираательниц растений), учитываемых автором в разряде «число едоков на взрослого мужчину» (табл. 4, 7, 10, 11). Вместе с тем такое моделирование не дает реальной картины пищевого жизнеобеспечения эскимосов. Конечно, эскимосы за долгие столетия жизни в Арктике хорошо адаптировались к пище, состоящей главным образом из жирного мяса, и этому обстоятельству, непосредственно относящемуся к «арктической экологии», автору следовало бы уделить должное внимание. Но при изучении питания принято учитывать не только калорийность продуктов, но и качественный состав рациона и сбалансированность пищевых веществ, с выделением белков, жиров, углеводов, витаминов и минеральных солей, о чем следовало бы сказать, если даже в распоряжении автора не было достаточных материалов для полной характеристики этих важных аспектов питания. Следовало бы сказать подробнее и о распределении добычи по сезонам года, так как пиришества в теплые сезоны не компенсировали зимних голодовок.

И еще два замечания. Из названия книги И. И. Крупника и из поставленных в 1 главе задач работы следует, что он стремится дать модели традиционного природопользования, однако встает вопрос о том, насколько это можно сделать по имеющимся у него материалам 1920-х и 1930-х гг. Бесспорно, что объекты пищевого обеспечения, прежде всего морские животные оставались в то время «традиционными», т. е. такими же, что и сотни лет назад, хотя количественное их соотношение менялось. Но способы добычи их, система жизнеобеспечения стала уже не такой как прежде: вместо небольших лодочек-каяков у эскимосов появились большие лодки «русского» типа, вместо гарпунов и копий — огнестрельное оружие (винчестеры и др.). Автор бегло отмечает эти факты, но сам вопрос о «традиционности» остается открытым. Второе замечание связано с тем,

что метод балансовых расчетов предполагает некую более или менее замкнутую антропогеоэкологическую систему, которой в реальности не было. Система жизнеобеспечения эскимосов в отношении пищи (как и в некоторых других отношениях) была открыта со стороны акватории, откуда временами приплывали морские животные: отсюда таблица 24, где дана плотность населения на кв. км. эксплуатируемой территории, в отношении эскимосов теряет смысл; она была открыта и со стороны обменно-покупных операций, давших на 1965—1976 гг. уже почти половину всех потребляемых калорий (с. 59—60); этот немаловажный факт также не следовало бы игнорировать.

Большинство замечаний, сделанных по 2 главе, относится и к 3 главе, в которой, как уже отмечалось выше, рассматривается главным образом пищевое обеспечение групп оленеводов тундры, в том числе трех групп чукчей (куветских, кчаунских и ичуньских) и одной нецвев (устькарских). Следует заметить, что в отличие от морских зверобоев, обитающих небольшими компактными группами в отдельных местах побережья Чукотки, тундровые оленеводы рассредоточены на огромном пространстве от Чукотского и Камчатского до Кольского полуострова. Природные условия в этой зоне не одинаковы, существенно дифференцированы там и системы жизнеобеспечения: от крупнотадного оленеводства у чукчей до преобладающего мелкотадного у западных нецвев, дополняющих его рыболовством и охотой. Это обстоятельство нашло некоторое отражение в приведенных И. И. Крупником сводных балансах пищевого обеспечения на середину 1920-х и 1930-х гг. (табл. 21—23), но здесь был бы полезен и дополнительный этнографический материал о жизни этих групп.

Приводимый в 3 главе, как и в предыдущей, большой статистический материал в тексте и особенно в таблицах производит очень внушительное впечатление. У меня нет особых оснований сомневаться в доброкачественности этого материала, но некоторые выводы, сделанные на его основании автором, оказались неадекватными. Так, из табл. 22—23 видно, что устькарские нецвы на 1926 г. обеспечивали свои пищевые потребности в среднем на 121,2%, в том числе мелкие оленеводы — на 100,2%, а крупные — даже на 159,5% (точность таких цифр, конечно, мнимая, и их следовало бы округлить); в дальнейшем же автор пишет о тяжелой жизни устькарских нецвев в то время, о «нехватке или экономии мяса и покупных продуктов питания» (с. 109); такое заключение требует дополнительных пояснений.

Сделанные мною замечания (а их число можно было бы увеличить) в целом отнюдь не умаляют выполненную автором действительно большую и оригинальную работу; основной смысл их состоит в том, что автор не оплатил всех выданных читателям «векселей», и не заложил достаточных основ «арктической этноэкологии». Вместо того, чтобы рассмотреть сущность и особенности «арктической этноэкологии» в общей системе субдисциплин этнической экологии и показать место этой работы в рамках «арктической экологии», автор воольно или невольно (что в данном случае одно и то же) отождествил то и другое. Примерно половина сделанных мною замечаний потеряла бы резон, если бы автор назвал свою работу, например, «Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера» или «Типы и модели пищевого обеспечения некоторых народов Арктики». Однако и в этом случае хотелось бы, конечно, чтобы он не пытался компенсировать недостаточность глубины исследования его избыточной широтой. Приведенные им сведения о потеплении или похолодании климата Арктики 500—1000 лет тому назад представляют интерес для специалистов, но читателям, полагаю, было бы полезнее сообщить отсутствующие в книге данные о современной продолжительности теплого и холодного периодов в местах обитания исследуемых автором эскимосов, о максимальных температурах теплого и холодного сезонов и т. п. Интересно, конечно, поразмышлять о том, как охотились на мамонтов 10—12 тыс. лет тому назад, но полезнее была бы хотя бы краткая характеристика своеобразного хозяйственно-культурного типа тундровых охотников (главным образом на дикого оленя), представленного у нас нганасанами. Во включенной в книгу библиографии, насчитывающей многие сотни названий, есть немало «мелочей», но как уже отмечалось выше, нет некоторых важных работ; замечу, что вместо довольно легкой книги М. С. Авербуха о «законах народонаселения» (см. СЭ, 1968, № 4) следовало бы дать основополагающий труд Ф. Лоримера (Lorimer F. Culture and Human Fertility. P., UNESCO, 1954).

В Заключении своей книги И. И. Крупник пишет о некоторых современных проблемах жизнеобеспечения народов Арктики и связывает их с проблемами будущего всего человечества: «Отвергая разрушительный дух промышленной экспансии, нарождающееся экологическое мышление создает новую модель развития человечества. Процесс этот будет длительным и нелегким. И в нем по праву должна найти свое место наука об экологическом опыте северных народов — «АРКТИЧЕСКАЯ ЭТНОЭКОЛОГИЯ» (с. 232). Что именно могут дать нашим потомкам традиции морских зверобоев и оленеводов тундры мне, признаюсь, не вполне ясно, но полагаю, что повторение несколько раз в Заключении заглавными буквами термина «АРКТИЧЕСКАЯ ЭТНОЭКОЛОГИЯ» само по себе не может служить повышению значимости этой субдисциплины. Над созданием «арктической этноэкологии» нужно еще потрудиться.

В. И. Козлов